

Typography, like the other arts,
is characterized by disciplines
and freedoms.

Typography was born out of the need
to communicate.

It is a form
that expresses
something other
than itself.

Morton Goldsholl

*The whole duty
of Typography, as of
Calligraphy,
is to communicate
to the imagination,
without loss*

We use the letters of our alphabet
every day

with the utmost ease
and unconcern,
taking them
almost as much
for granted
as the air we breathe.

We do not realize
that each
of these letters

is at our service
today only

as the result of a long
and laboriously slow process
of evolution in the age-old art
of writing.

Printed things are created
to communicate

a thought
to people.

Language, in printing,
is made of type —
a small number

of symbols

which acquire
meaning of infinite
combinations
with others.

Henry Wolf

*by the way,
the thought or image
intended
to be communicated
by the Author.*

Douglas C. McMurtrie

THOMAS JAMES
COBDEN-SANDERSON

Well-printed books
are just as scarce
as well-written ones,
and every author should remember
that the most costly books
derive their value
from the craft of the printer
and not from the author's genius.

George Bernard Shaw

Размышления о каллиграфии и ее месте в современном мире

Изречение Томаса Джеймса Кобдена Сандерсона (1840–1922) из эссе «Идеальная книга или красивая книга». The Ideal Book or Book Beautiful. Hammer-smith, London, 1900

Отпечатано в 1965 году шрифтами Optima, Melior и Aldus Roman в подарок Калифорнийскому университету в Лос-Анджелесе

ABCDEFGHIJKLM
NOPQRSTUVWXYZ
Calligraphy & XYZ
is distinguished by harmony of style.
It is conscious of the methods by which it gets its result.
Its forms are definite. E·A·LOWE

Рукописный лист для коллекции Филипа Хофера. Гутоновская библиотека Гарвардского университета. Кембридж, Массачусетс, 1956

Братство каллиграфов

Они знают друг друга, несмотря на расстояния, их разделяющие. Это люди, принадлежащие к узкому кружку художников, вернее сказать одиночек, ибо каждый из них — уникальная натура, обладающая неповторимой творческой манерой. Их взаимное уважение не признает государственных границ. Они не соперники, так как зачастую трудятся в разных областях графического дизайна. Они — друзья.

Вскоре после войны, в 1949 году (когда расстояние между Германией и остальным миром измерялось не только и не столько километрами), я написал в Нью-Йорк Полу Стэндарду и попросил прислать мне его книгу «Расцвет, упадок и возрождение каллиграфии», оформленную Рэймондом Даболлом и опубликованную в 1947 году чикагским Обществом типографского искусства. Посылка с книгой пришла довольно скоро. Ее сопровождало теплое письмо, где не было даже намека на дистанцию по отношению к незнакомому чудачу из поверженной в войне державы. Письмо это стало началом многолетней дружбы.

Небольшая книга Стэндарда не только познакомила меня с каллиграфией Даболла, она дала возможность мне и моим германским коллегам увидеть работы зарубежных мастеров, с которыми я впоследствии познакомился лично и которых я считаю своими друзьями. В книге были представлены работы Уильяма Двиггинса, Роберта Хантера Миддлтона, Филиппа Грушкина, Джорджа Салтера, Джейни Вонг, Уоррена Чэппелла, Оскара Огга, Томаса Клилэнда, Рейнолдса Стоуна, Бертольда Уолпа, Виктора Хаммера, Густава Дженсена, Джозефа Картера, Арнольда Бэнка, Мириам Вудс, Альфреда Фербэнка и многих других.

В 1951 году я впервые приехал в Нью-Йорк. Стэндард организовал в колледже Купер-Юнион выставку моих работ и произведений Фрица Кределя, эмигрировавшего в Штаты еще в 1930-х. Я долгие годы восхищался Кределем, ведь он был одним из тех, кто работал с Рудольфом Кохом в Оффенбахе. Книги Коха и «библия каллиграфа» — работа Эдварда Джонстона «Письмо, иллюминирование и шрифт» — были моими наставниками в постижении каллиграфического ремесла. В силу политических

With Respect... to RFD. An Appreciation of Raymond Franklin DaBoll and his Contribution to the Letter Arts. Edited by Rick Cusick. Freeport, Maine : TBW Books Inc., 1978

Рэймонд Фрэнклин Даболл (1892–1982)

Книга Эдварда Джонстона «Письмо, иллюминирование и шрифт» была опубликована в 1906 году. Edward Johnston. Writing, Illuminating and lettering. London : Pitman, 1906 ; Taplinger : NY, 1978

обстоятельств, сложившихся в Германии, после 1933 года изучать каллиграфию в учебных заведениях я не мог, так что я — самоучка.

Благодаря знакомству с Полом Стэндардом и публикации моей собственной книги «Перо и резец» я познакомился со многими мастерами, но лишь в 1969 году мне довелось лично встретиться с Рэймондом Даболлом. Это произошло на вручении награды в его альма-матер — Рочестерском технологическом институте. Даболла чествовали на ежегодном награждении выдающихся выпускников, а мне вручили премию Фредерика Гауди, и Даболл присутствовал на церемонии. Мы провели незабываемый вечер за беседой о нашем мире, мире букв, вспоминая коллег-современников и мастеров прошлого, то и дело иллюстрируя наши реплики набросками и зарисовками — подобно тому, как музыканты говорят о Моцарте, Бетховене, Шопене или Бриттене.

Каллиграфия сегодня, так же как и в былые времена, отражает дух и вкус нашего времени, и, хотя источником вдохновения и поиска совершенства являются по большей части формы западной письменности, не следует игнорировать пропитанную мощной энергией каллиграфию японских мастеров. Помимо графической красоты самой буквы, каллиграфия передает максимум выразительности (живой кровью которой, по словам Даболла, является непосредственность). Посвятившему себя каллиграфии и очарованному ей неведома скука — это занятие открывает возможность передать и выразить широчайший спектр человеческих эмоций. Когда мы смотрим на работу каллиграфа, мы видим терпение, сосредоточенность и практически всегда — критическое осмысление великой исторической традиции. Эту традицию необходимо поддерживать и в наши дни — вдохновенные образчики искусства прошлого могут стать отправной точкой для сегодняшних практиков.

Будущее каллиграфии зависит не от условий, в которых мы работаем, и не от классификации, к которой нас причислят. Не столь важно, будет ли написанное объявлено историческим наследием или музейным экспонатом, станет ли оттиском на листовке-однодневке, второпях набросанной запиской или же просто упражнением в свое удовольствие. Каллиграфия — наш особый мир, мир посвященных одиночек, высоко ценящих друг друга и свое тихое ремесло. Несмотря на то что львиную долю своего времени я трачу на создание шрифтов для компьютерного фотонабора, сердце мое по-прежнему принадлежит бумаге и ширококонечному перу, ведь в нашей склянке с тушью всегда есть капля нашей крови.

«Буквы — отражение добродетели пишущего». Японская поговорка

«Каллиграфия — это наша творческая индивидуальность, наше самое глубинное чувство, она уникальна как отпечаток пальца или голос». Герман Цапф

Каллиграфия

Мастерский рисунок каллиграфа всегда завораживает единством строгой дисциплины и свободного творческого порыва, выраженного в ритме, мелодии букв и их переплетении. Экспрессия и дисциплина — это две стороны каллиграфического искусства. В работе зрелого и опытного художника они не спорят друг с другом, а уравниваются и гармонично сочетаются.

Пожалуй, только музыка и каллиграфия могут настолько полно выразить сокровенные чувства своего создателя. Каллиграфия — это намного больше, чем графическая красота буквы, каллиграфия — это постоянное совершенствование формы и непрерывное оттачивание навыка письма.

В создании каллиграфической композиции заняты не только голова и рука, ведущая линию, а без преувеличения все тело, однако главное для этой работы — участие сердца. Особенно это подчеркивается в традиции восточной каллиграфии, основанной на концентрации, медитации и самое важное — полной гармонии, средоточием которой становится художник.

Дать четкие определения и разделить каллиграфию и разработку шрифта довольно сложно. Вместе с тем каллиграфия представляет собой живое и более непринужденное творчество. Благодаря этой спонтанности искусство каллиграфии, подобно зеркалу, отражает чувства и эмоции пишущего, его воображение и дисциплину, которые проявляются в строе и геометрии букв на листе бумаги. Начинать занятия каллиграфией полезно с рукописных упражнений: освоение так называемого канцелярского письма помогает избрать верное направление и выработать собственный стиль.

Создание шрифта для печати подразумевает более тщательную проработку формы букв при помощи пера или кисти, здесь нет места случайностям и стихийным вольностям штриха, которые может позволить себе каллиграф.

Благодаря усилиям американских художников каллиграфия обретает широкую популярность в Соединенных Штатах. Я надеюсь, что эта тенденция охватит и Европу, и интерес к искусству письма возродится по обе стороны Атлантики. К большому прискорбию, во многих художественных школах Европы шрифтовым дисциплинам уделяется все меньше внимания, прерывается многовековая традиция каллиграфии — одна из фундаментальных основ художественного образования. Однако письменность продолжает жить в книгах, и однажды Европа вновь обретет то искусство, которое в свое время привезла в Новый Свет в фолиантах старых мастеров.

Слова и строки, тщательно и чутко выведенные собственной рукой, откроют двери дружбы, общения и взаимного уважения

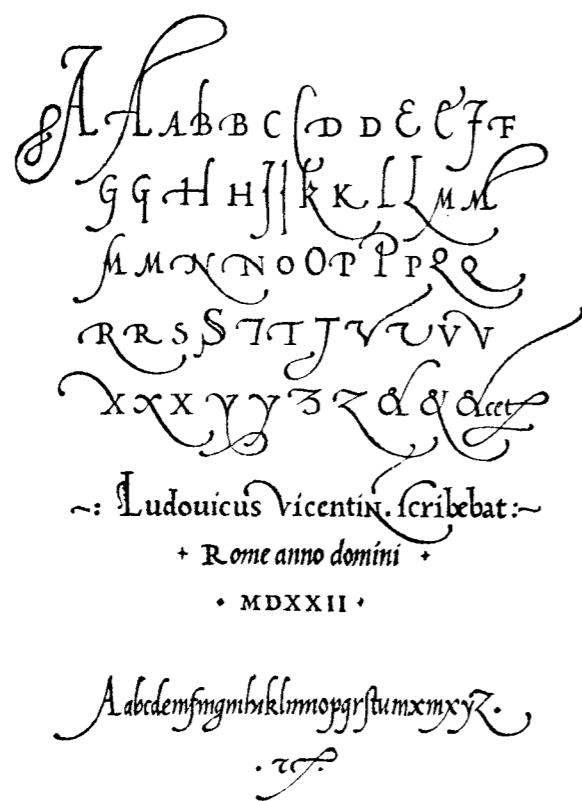
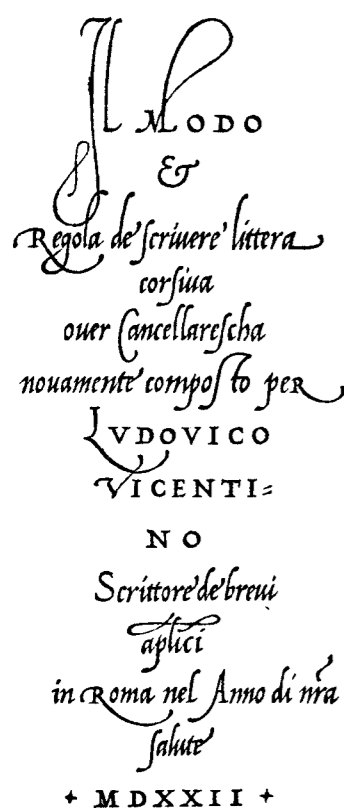
[International Calligraphy Today. NY : Watson-Guptill Publications, 1982](#)

В искусстве свобода — это смелость и оригинальность замысла, свежесть и изящество, живость ритма. Ллойд Дж. Рейнолдс (1902–1978)

В Англии и Америке Альфред Фербанк и Пол Стэндард активно популяризировали каллиграфию на основе канцелярского письма итальянского Возрождения

в кругу единомышленников. Практика привнесет в буквы, да и в сам процесс, смысл и изящество. Постепенно обретая уверенность, художник понимает, насколько многому ему еще предстоит научиться, и скромность не дает развиваться самонадеянности.

Строки каллиграфа говорят разными интонациями и голосами, разжигают огонек интереса к ремеслу, тот огонек, который, возможно, охватит и вашу душу, заставив взять в руки ширококонечное перо — лучшее лекарство от тоски и печали — и обрести веру в собственные силы. Я тешу себя надеждой, что это тихое, уединенное и смиренное ремесло поможет нашему большому обществу исцелиться.

Две страницы из книги *La Operina di Ludovico Vicentiono, di imparare di scrivere littera Cancellaresca*, напечатанной в Риме в 1552 году. Автор Людовико дельи Арриги (Винченцино).

Факсимиле страниц книги *Operina*, первого пособия по каллиграфии, включенные (с постраничным переводом) в книгу Пола Стэндарда «Летящая рука Арриги. Канцелярский курсив». *Paul Standard. Arrighi's running hand. A study of Chancery Cursive.* NY : Taplinger, 1977

Будущее каллиграфии

У нас в Западной Германии каллиграфия пребывает в слабо-развитом состоянии. Погодите удивляться и считать меня законченным пессимистом. Должен признаться, что мы, немцы, с завистью смотрим на достижения наших английских и американских коллег и деятельность многочисленных каллиграфических сообществ этих стран.

В немецкой начальной школе больше не учат чистописанию, красивый почерк никак не поощряется учителями. Посмотрите, как пишут наши современные дети — это довольно трудно разобрать. В высших художественных школах больше не преподают каллиграфию и искусство письма, причем даже на продвинутых курсах. Все художественные школы находятся в государственном подчинении, а это значит, что учебные планы разрабатывают чиновники, которые считают каллиграфию старомодной, отжившей свое дисциплиной, совершенно не нужной для образования в так называемой сфере визуальных коммуникаций компьютерной эпохи. Противостоять невежеству этих бездушных деятелей «по культурным вопросам» так же бесполезно, как сражаться с ветряными мельницами. Поэтому меня совершенно не удивляет тот факт, что кельнский коллекционер Петер Людвиг продал калифорнийскому музею Гетти одну из великолепнейших коллекций иллюминированных манускриптов на 144 листах. Это говорит о том, что в Калифорнии старые рукописи нужнее и интереснее людям.

Современная ситуация в Германии напоминает мне один исторический эпизод, имевший место столетие назад, о котором мало кто знает сегодня. Во второй половине XIX века почти все виноградники Европы были уничтожены нашествием тли филлоксеры. Европейское виноградарство выжило только благодаря помощи заокеанских виноделов, передавших коллегам корни американских сортов лозы, не подверженной атакам этого насекомого.

Кто-то предпочитает воду, кто-то «упивается» чернилами и сходит с ума на почве каллиграфии, а мне бывает полезно выпить глоток-другой хорошего вина, чтобы наклон курсива вышел правильным (не злоупотребляя, конечно, а то наклон будет чрезмерным). Всем нам иногда нужен стимул, всем нужно вдохновение. Кого-то дурманит дешевое вино, а я получаю пьянящее удовольствие от работы с линией, штрихом и буквой. Всё в этой жизни хорошо в меру.

Однако вернемся к каллиграфии. Интерес к искусству письма вновь пробуждается, и эта тенденция будет развиваться в будущем. У нас появилось больше времени на самих себя, так давайте не будем тратить это время на футбол по телевизору,

Newsletter. Editor John Prestianni. Vol. 8. No. 3. Summer. San Francisco, California : The Friends of Calligraphy, 1983

а уделим его творческим занятиям. Давайте развивать клубы и студии каллиграфии, где люди могли бы получать удовольствие от творческой работы. Каллиграфия не может наскучить, она не опасна, как некоторые виды спорта, где есть риск сломать себе шею, она не требует дорогостоящего инструментария.

Есть и хорошие новости. Музей Клингспора в Оффенбахе-на-Майне открыл курсы по каллиграфии для начинающих. Цель этого проекта проста — пробудить в людях интерес к письму и занять их руки чем-то, помимо чистки картошки, смены подгузников и игры в карты. Это новое и очень обнадеживающее начинание для моей страны, страны таких именитых каллиграфов, как Рудольф Кох, Рудо Спеманн и Эрнст Шнайдер, не говоря уже о старых мастерах из моего родного Нюрнберга — Иоганне Нойдорфере и Вольфганге Фуггере. Подобные курсы будут стимулировать интерес других людей, способствовать распространению информации о каллиграфии и подталкивать тех, кто хотел бы начать ею заниматься (а начать никогда не поздно). Как и в музыке, в каллиграфии соприкосновение с искусством происходит не только на физическом уровне, но и на уровне разума и сердца. Это великолепный способ творческого самовыражения.

Чем больше людей начнут разбираться в красоте буквы и видеть разницу между хорошим и плохим шрифтом, понимать важность понятных и красивых надписей в печати, на телевидении, на дорогах, в других областях человеческой жизни, тем сложнее будет чиновникам от образования игнорировать эту дисциплину.

Первое, с чего нужно начать, — это уроки письма в начальной школе. К примеру, в Японии каждый год проводятся детские конкурсы каллиграфии, ведь хорошо образованный японец должен владеть традиционной техникой иероглифического письма кистью.

Чтобы освоить каллиграфию, вовсе не обязательно происходить из творческой династии. Мои предки, например, были бедными крестьянами и мастеравыми, ремесло каллиграфа я изучал по книгам, и спустя некоторое время у меня стали получаться неплохие работы. Все, что нужно для обучения, — это терпение и самодисциплина.

Будем надеяться, что наше братство каллиграфов выиграет битву с врагами — невежеством, скукой и ленью!

Общество писцов и иллюминаторов в Лондоне — старейшее объединение каллиграфов. Оно было основано в 1921 году учениками Эдварда Джонстона с целью развития искусства письма и иллюминирования

«Книга письма» (Book of Scripts) Альфреда Фербанка впервые издана в издательстве «Пингвин букс» в 1949 году. Впоследствии вышло несколько репринтов

Манифест современного каллиграфа

Мы не совершаем подвигов, не претендуем на славу, не перекраиваем карту мира, но, возможно, своим тихим ремеслом мы добавляем в этот мир каплю радости и, старательно выводя наши строчки, воздаем хвалу Господу со всей искренностью наших сердец.

Каллиграфия — это мирное и благородное искусство, удел хорошо образованных людей, работающих с полной отдачей и усердием: в штрихи и буквы мы вкладываем наши чувства и переживания, частицу самих себя. Буквы должны нести в себе изящество и красоту.

Сегодня во многих странах интерес к каллиграфии вновь набирает силу. И это прекрасно. В будущем, когда люди станут тратить меньше времени на работу, возможно, у них найдется время для творческих хобби.

Должен добавить, что мы, каллиграфы, не загрязняем тушью водоемы и атмосферу, не шумим и не галдим, наше единственное «оружие» — перо — служит нам для того, чтобы написать слова, в важности которых мы хотим убедить других.

Конечно, мы понимаем, что мы не самые важные птицы в этом мире, мы просто любим делать красивые вещи с помощью данного нам таланта. Кроме того, на нас лежит груз ответственности перед мастерами далекого прошлого, традицией средневековых переписчиков, придворными писцами монархов Европы и Азии. Каллиграфия — это и по сей день королевское искусство.

The Scribe. No. 31. London : The Society of Scribes and Illuminators, 1984